

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(продолжение)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) —

крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геоэкология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 4 Летние каникулы

Летом 1924 года мне было 10 лет, и я перешел в третий класс. Еще ранней весной был снят на лето дом в Тарусе на три семьи: нашу, Корнеевых и Тутуновых.

Таруса и сейчас славится как один из уютных и красивейших уголков Подмосковья.

А тогда большинство улиц было покрыто изумрудно-зеленой травой, около домиков сады и две реки: величественная Ока и маленькая быстрая Таруска.

В Тарусе я впервые узнал, что такое настоящая рыбная ловля.

Первоклассными рыболовами-любителями были братья Томины. Оба они были зубные техники, и оба были женаты на зубных врачах, родных сестрах. Старший брат, Василий Андреевич, был женат на младшей сестре Лидии Ивановне, а младший — Федор Андреевич, на старшей, Елене Ивановне. Жили они в одной квартире на Арбате, и я вспоминаю о них как о милых, симпатичных людях, которых я изредка навещал, будучи уже взрослым.

В Тарусе Томины арендовали две лодки: одну хо-рошую, на которой они ездили ловить рыбу, а другую — развалюху, которая нарочно была наполовину затоплена и в которой жили наловленные пескари, что-бы под рукой всегда были живцы.

Меня поразили их рыболовные снасти. Да не только меня, но и отца тоже.

Удочки с катушками, тонкие прочные лески, маленькие, но тоже прочные, острые крючки и, наконец — кружки.

Кружки были сделаны из пробки. Посередине кружка дырка, в которую вставлялась палочка; по ребру кружка леска, которая перебрасывалась через палочку и свисала в воду. На конце лески свинцовый груз, металлический поводок и, наконец, крючок-якорек. На него и насаживался живец. Судак, щука, окунь и другая хищная рыба хватили живца, дергали леску, при этом кружок переворачивался, леска начинала разматываться. Хищник, не чувствуя сопротивления, заглатывал живца все глубже. А кружок при этом кружился и иногда даже плясал на воде.

Когда кружок плывет с живцом сам по себе, у него над водой красная сторона и из центра торчит палочка высотой около 20 см. Схватил живца хищник, кружок переворачивается, и вот уже над водой белая сторона с черной шишечкой, в которую вставляется палочка.

Кружки Томиных произвели на меня в 1924 году неизгладимое впечатление.

Тогда этот способ рыбной ловли был мало известен. Сейчас многие им увлекаются. Увлекался и я, гоня кружки уже в послевоенные годы по подмосковным водохранилищам.

На кружках обычно ловят на озерах, на водохранилищах, там, где нет сильного течения. А Томины умели ловить на кружках на Оке.

Иногда они брали меня с собой в лодку, и я хорошо видел, как это все происходит. Один из братьев садился на весла и греб поперек реки. Дугой быстро распускал леску кружка, сажал на крючок пескаря и пускал кружок по течению. Река как бы перегораживалась кружками.

И вот «перевертка». Кружок перевернулся, на поверхности белая сторона. Он крутится. Лодка идет к нему. Один из братьев ловит кружок, подсечка и в лодке судак (чаще всего) или щука. А в это время другие кружки уже далеко уплыли. Их надо догонять. И вот опять перевертка. Что делать? Ехать к крутящемуся кружку или скорее догонять те, которые попали на быстрину. Надо решать. Все это происходит быстро, динамично. Все страшно интересно. Никогда я еще за десять лет своей жизни до Тарусы такого не видел.

Немудрено, что кружки стали моим любимым видом рыбной ловли, когда я стал взрослым.

Однажды я ловил с берега пескарей. Подходят Томины.

— Поедем, Женя, с нами.

Я, конечно, с удовольствием залезаю в лодку. Но на этот раз не все получилось удачно. Перевернулся кружок у противоположного берега в момент, когда большинство других кружков попало на быстрину. Томины не обратили внимания на перевернувшийся кружок, несмотря на то что я кричал:

— Перевертка, перевертка!

— Нельзя, Женя, нельзя. Кружки дороже рыбы. Рыбу еще поймаем. А не будет кружков, не будет и рыбы.

И лодка понеслась за уплывающими кружками.

Когда мы вернулись к перевернувшемуся кружку, он мирно покачивался около берега. Василий Андреевич вынул его из воды и начал наматывать леску. И вдруг:

— Есть. Сидит. Сам засекается.

Вытаскивает — большой голавль. Такой красавец.

— Да в нем фунта 2–3 будет. Держи, Женя. Мы тебя высадим на берег. Отнесешь домой.

И вот я иду по Тарусе. И в одной руке удочка, в другой кулан, на котором надеты десятка два пескарей и сверху голавль. Вечереет. На улицах на лавочках сидят местные жители. Переговариваются:

— Ты смотри, какого голавля пацан поймал.

И хотя я знаю, что не я его поймал, я все же горд.

Ловили Томины и в проводку. Ставили лодку на два якоря поперек течения, подвешивали катушку. Течение подхватывало поплавок, леска на катушке сама разматывалась. Поплавок уже далеко от лодки, его уже еле видно. Вот он скрылся под водой. Подсечка. Катушка ставится на тормоз. Удочка гнется. Катушка трещит. И к лодке подходит большой подуст. Мгновенье — и он в лодке. И так часа 3–4.

За это время в лодке образуется куча подустов.

Интересно смотреть, но хочется самому поймать. Увы, моя удочка самая обычная, и поплавок отходит от лодки всего на 4–5 метров. Подуст — рыба осторожная и так близко к лодке не подходит. Прихо-

дится ограничиваться ельцами, да и те клюют не так часто. Лодка с кучей подустов подъезжает к берегу. Несколько подустов берут себе Томины, сколько хочу — могу взять я, а остальное хозяину лодки, который всегда терпеливо поджидал ее на берегу с надеждой, что рыбалка была удачная.

Мне так понравилась ловля рыбы в проводку с лодки, что я уговаривал своих приятелей, и мы много раз ходили с Малой Полянки на Москву-реку к храму Христа Спасителя, чтобы посмотреть, как ловят рыбу таким способом. Как раз в этом месте на Москве-реке была быстрина, и здесь стояло на якорях 10–15 лодок.

За ними присматривал сторож. Он же и перевозил хозяев лодок туда и обратно.

Конечно, смотреть с берега было не так интересно, как сидя в лодке. Но что поделаешь? Знакомых рыболовов на Москве-реке у нас не было.

Томины показали еще один из способов рыбной ловли. На вечерней зорьке ловили ершей. В лодку садились четверо: Томины и мы с отцом. Удочки брались покорооче. Насадка — черви.

На лодке мы поднимались немного выше Тарусы и останавливались на глубоком месте, под глинистой кручей. Клев начинался на вечерней зоре. Не успеваешь забросить удочку, поплавок ныряет. И вытаскиваешь большого «сопливого» ерша.

Я сначала старался насадить червя получше. Но Василий Андреевич сказал:

— Это ни к чему. Ерш и так схватит, был бы на крючке хоть кусочек червя.

И действительно хватали. Уже поздно вечером, в темноте возвращались мы с папой домой со своим уловом. Мама ворчала:

— Опять так поздно. Ребенку спать уже пора.

И действительно ребенок моментально засыпал. А отец еще чистил ершей. И на следующий день все с удовольствием ели уху.

В Тарусе меня научили плавать. Пошли купаться большой компанией. Мужчины отдельно, женщины отдельно.

Дядя Петя (Петр Александрович Корнеев) взял меня на руки и сказал:

— Сейчас я научу тебя плавать. Отнесу на глубокое место и отпущу. Ты не бойся. Бей ногами по воде и подгребай руками воду под себя. Не будешь бояться?

— Не буду.

— Вот и молодец. Ведь все мы рядом с тобой.

Дядя Петя отходил от берега все дальше. Вот ему уже вода «по шейку».

— Плыви.

И оттолкнул меня от себя. Я забарахтался и поплыл. Подплыл к берегу, встал на ноги. И сам попросил:

— Дядя Петя, еще раз!

Получилось лучше. Барьер был преодолен, а дальше уже пошло все хорошо.

Я даже научился лежать на воде, на спине, без движения, и она тихо несла меня своим течением.

Подружился я с местными ребятами. Сначала мы вместе ловили пескарей на берегу Оки и с мостика на Таруске. Потом достали где-то лодку и стали пе-

реезжать Оку. На противоположном берегу находился песчаный пляж, куда ездили все купаться. Купались там и мы.

Сейчас я думаю, как бы я отнесся к тому, если бы мой внук в 10 лет с ребятами такого же возраста стал самостоятельно переезжать Оку в районе Тарусы.

Наверное бы, испугался и рассердился, ведь река здесь широкая. Точно так же прореагировали и мои родители. Без взрослых было запрещено переезжать Оку.

Однажды по инициативе Томиных мы большой компанией отправились в гости к художнику Поленову, в его усадьбу.

Переехали Оку, шли чудесными заливными лугами, затем парком и, наконец, подошли к дому Поленова. Встретил он нас вместе с женой очень приветливо.

Показывал свои картины, и в частности пейзажи европейских столиц. Впервые я почувствовал красоту живописи. Впервые увидел настоящего художника и дела рук его.

На прощанье Поленов и его жена сфотографировались вместе с нами на крыльце своего дома. Эта фотография сохранилась в нашем семейном альбоме.

Отец очень любил живопись Поленова. Особенно ему нравился «Московский дворик». Он заказал сделать с этой картины себе копию. Получилось удачно. После смерти отца эту картину я повесил к себе в кабинет. Она напоминает мне и отца, и наше посещение Поленова.

Летом 1925 года мне было уже 11 лет, и я перешел в четвертый класс.

На этот раз для летнего отдыха облюбовали себе барский дом, стоявший рядом с деревней Аносино, которая находится в 3–4 км от железнодорожной станции Снегири, в 44 км от Москвы.

Место было отличное. Река Истра светлая, чистая. То мель и пережат, а за ними глубокие заводи, поросшие камышом. Солнце светит, с крутого берега видно, как большие голавли плавают, а вот поймать их никто не мог. Увидят человека, уходят в глубину.

На правом крутом берегу — помещичье имение: барский дом, подсобные постройки, большой фруктовый сад и огромный запущенный парк — все это было отдано участникам гражданской войны, пожелавшим объединиться и создать колхоз. Если мне память не изменяет, он так и назывался, не «коммуна», а «колхоз». Землю для колхоза частично отобрали у женского монастыря, частично у кулаков деревни Аносино.

Деревня Аносино была расположена еще выше, чем барская усадьба, примерно в одном километре от нее. Рядом с деревней женский монастырь. (Борисоглебский Аносин женский монастырь — действующий женский монастырь в деревне Аносино Истринского района Московской области, в 7 км от города Дедовска. Основан 25 июня 1823 года княгиней Авдотьей Мещерской, родной теткой поэта Федора Тютчева. С 1927 года и весь дальнейший советский период был закрыт. Возвращен Русской Православной церкви в 1992 году. В качестве мона-

стыря вновь начал действовать с 29 декабря 1999 года. — *Прим. ред.*). Он как раз возвышался над усадьбой. От усадьбы до монастыря шла аллея, которую образовывали огромные вековые, а может быть и того старше, ели.

Колхозников было немного, семей 10–12. Хозяева начинали они с расчетом. И вот решили: комнаты в барском доме сдавать на лето дачникам. В этом доме сняли комнаты мама и ее сестры. Опять лето проводили все вместе, как в Тарусе.

В Тарусе мне очень нравилось, а в Аносино еще больше. Истра рядом, не надо идти к реке через весь город, как в Тарусе. Можно купаться, можно рыбу удить. Недалеко лес, там были грибы. Бывали они и в парке. Около дома — старый пруд. В нем оказались золотые карасики. Но главное, это лошади. Лошади для верховой езды, которых тоже можно было арендовать у наших хозяев.

Не помню, на каких условиях договорился дядя Петя, но две лошади были в нашем распоряжении: одна для него, а другая для меня. Счастью моему не было предела.

Сначала мы с дядей Петей ездили вместе. Он меня учил, как надо седлать лошадь, подогнать стремяна, как держаться в седле. Учил, когда можно с шага переходить на рысь, потом в галоп и наоборот. Через месяц я уже так с этим освоился, что стал уезжать сам, когда не было дяди Пети или когда ему не хотелось. Требовалось только одно — сказать свой маршрут.

Вдвоем мы ездили до Нового Иерусалима. Один я дальше десяти километров не ездил. И не разрешали, и сам побаивался: а вдруг что-нибудь случится.

И действительно один раз случилось. Ехал я рысью, после дождя. Объезжал угол пашни, наклонился внутрь круга, как меня учили, и вылетел из седла. Не успел опомниться, как уже лежал на земле. Хорошо, что это была пашня, мягкая от дождя, и, самое главное, хорошо, что умная лошадь не ускакала, а остановилась и ждала, пока незадачливый наездник к ней подбежит.

Седло на боку. Вот поэтому я и упал. А на боку седло потому, что подпруги не были хорошо затянуты. Все объяснилось просто.

Хуже могло быть в другой раз. Я с деревенскими ребятами поехал на незнакомой лошади на водопой. Естественно, без седла. Лошади бросились вскачь с крутого, высокого берега к реке. Единственное, что я мог делать, это держаться за гриву своего коня. Когда мы прискакали к реке, положение мое было критическим: я уже не сидел на спине, а висел на одной ноге на шее у лошади, судорожно вцепившись ей в гриву.

Это не охладило мою любовь к лошадям. За лето я так научился ездить верхом, и это пригодилось мне в жизни. Работая топографом на Дальнем Востоке, я иногда проезжал верхом в день до 100 км. Понадобилось мое умение ездить верхом и в годы Великой Отечественной войны, когда мне полагалась верховая лошадь с коноводом.

Отец увлекался рыбной ловлей. Но ее нельзя было сравнить с тем, что было в Тарусе. Ловили мы

с берега на обычные удочки. Попадались ерши (но маленькие, не такие, как на Оке), окуньки, плотвички.

В августе, когда вода стала холоднее, дядя Петя сказал:

— Что вы все мелочь ловите. Я тебя, Женя, научу ловить на перемет.

Стали делать перемет. На длинную веревку привязали поводки с крючками. Наживка — лягушки. Ставили перемет с лодки на песчаных отмелях. Вечером в темноте поставим, утром бежим проверять. Два-три больших голавля сидят.

Отец ворчал:

— Какая это рыбная ловля. Рыбная ловля должна быть активной, на удочку с поплавком.

Но мне было интересно и ставить, и проверять перемет.

Ходили мы и за грибами. Лес был грибной. Березняк с молодыми елочками, много полянок. Но много грибов никогда набирать не удавалось; 20–30 белых — вот и весь наш сбор. Это и неудивительно. Бывало, встанем пораньше, еще до завтрака идем в лес, а навстречу нам уже старушки-монашки семянят с полными корзинами белых. Опередить их было невозможно: только светает, а они уже в лесу молча шмыгают по своим заветным местам.

Летом 1925 года я узнал, вернее, воочию увидел, что такое классовая борьба. В школе нам часто говорили о классовой борьбе. С одной стороны, верилось — учителя приводили убедительные факты, с другой — не очень, кругом было мирно, спокойно.

Наши хозяева, колхозники, собрали хороший урожай. Большая рига, стоявшая на окраине усадьбы, была вся забита необмолоченными снопами ржи.

Ночью меня будит мама. Гудит монастырский колокол тревожным набатом. В черных окошках появляются вспышки пламени.

— Одевайся скорее, пожар в усадьбе. Надо пойти посмотреть, где. Может быть, и нашему дому угрожает.

Пошли на огонь. Далеко ходить не надо было — горела большая колхозная рига, куда завезли весь урожай необмолоченной ржи. Польшало так, что горящие снопы высоко взлетали вверх и улетали куда-то в поле. Страшное было зрелище. Хорошо еще, что ветер был не в сторону усадьбы. Тушить было бесполезно. Спелая рожь горела, как один большой факел. Подойти к огню было невозможно. Все смотрели только издали. Недалеко от риги нашли жбан, ведро; все нюхали — пахло керосином. Явный поджог. Глядя на горящие снопы, я подумал, что, наверное, это и есть классовая борьба.

От монастыря к пожару двинулось шествие. Впереди священник, иконы, хоругви, хор. Но пока они дошли, огонь сам уже погас. Колхозники встретили монашек неприветливо.

— Уходите. Нам сейчас не до представлений.

На следующий день приехала милиция. Началось следствие. Арестовали по подозрению несколько кулаков. Посадили на телеги и увезли. Вечером из Аносино доносился протяжный бабий вой.

Прошел еще год. Наступило лето 1926 года. Я окончил школу первой ступени (4 класса) и перешел

в пятый класс. Было мне 12 лет. Ошеломляющая новизна. Мы едем летом на Черное море. Едут также Корнеевы, Тутуновы и, самое главное, Володя Пейтин со своей мамой, Марией Александровной.

Город Анапа. До него надо было добираться от Москвы до станции Тоннельная поездом, а дальше на лошадях или автобусе. Анапа славилась своими песчаными пляжами, обилием фруктов и дешевыми продуктами. Это все привлекало туда тысячи людей на отдых.

Когда мы приехали в Анапу, все было не так заманчиво, как это казалось в Москве. С трудом удалось снять дом на лето на окраине города, далеко от песчаных пляжей. Питание в государственных столовых было организовано плохо, а в частных пансионатах стоило очень дорого. Один раз мы там пообедали и больше уже в частный пансионат не ходили.

Пришлось маме и ее сестрам готовить обеды дома по очереди. Но базар оказался далеко, и продукты были уже не такие дешевые. Осталось в памяти, что обсуждалась стоимость большого арбуза. Стоил он один рубль, и это считалось очень дорого.

Впрочем, все эти заботы были у взрослых, а мы с Володей были всем очень довольны. Далеко на пляж ходить и не надо, будем ходить купаться на высокий берег. Это близко от дома. Дорого арбузы стоят, а зачем они нам, когда чуть ли не задаром отдают мелкие абрикосы — жардель, Ну, а что касается готовки и прочих хозяйских дел, мы мальчишки, и это нас не касается.

Целыми днями мы с Володей пропадали на море, на высоком берегу. Это действительно был высокий крутой и обрывистый берег. Узкая тропинка спускалась к морю. Берег был каменистый и не очень удобный для купания, но зато под камнями водились крабы. А самое главное, уткнувшись носом в берег, стояла старая канонерка.

В годы гражданской войны революционная канонерка была окружена судами белогвардейцев. Положение казалось безвыходным. Но команда нашла выход: на полном ходу канонерка врезалась в берег. Революционные матросы полезли под огнем по крутому обрывистому берегу вверх. И ушли. Не в Анапу, она уже была в руках белых, а в горы в сторону Абрау-Дюрсо.

Канонерку разоружили, сняли с нее все, что можно, но с места сдвинуть не смогли. И осталась она как память о гражданской войне.

Забраться на нее было не так просто. Надо было лезть по якорной цепи, спускавшейся в воду. Самого якоря не было. Цепь раскачивалась. Но зато, если подняться на палубу, она глухо ухала под ногами, и можно было играть в кого хочешь, в революционных матросов и даже в морских пиратов.

В Анапе со мной произошел курьезный случай. Отец записал меня (одного!) на многодневную экскурсию на катере Анапа — Сухуми и обратно. Я не мог дожидаться дня отплытия. Но жизнь шла пока по-прежнему.

Утром мы уходили с Володей на море ловить крабов и купаться. Идем по узкой прибрежной полоске и видим, что навстречу бежит собака. Морда вниз

опущена. Почему-то оба мы решили, что она бешеная. Володя говорит:

— Давай возьмем камни и камнями ее отгоним.

— Нет, — говорю я, — камни не помогут. Давай залезем в море, бешеная собака воды боится.

Мы вошли в море, захватив с собой на всякий случай камни. Собака пробежала мимо нас, низко опустив голову, изо рта у нее падала пена.

«Бешеная», — окончательно решили мы. Действительно собака оказалась бешеной.

К морю спустились мои двоюродные брат Володя и сестра Таня. Они были совсем маленькие, шли со своими матерями, впереди них. Собака побежала на них и укусила обоих. Затем она вбежала в город и до того, как была убита, искусала еще 11 человек. Вскрытие установило: бешенство. Всем укушенным немедленно стали делать прививки.

На другой день я стал дразнить своего братишку Вовку (теперь он полковник в отставке) и довел его до такого состояния, что он бросился на меня и укусил.

Укусил здорово за руку, до крови.

Создалась такая ситуация: бешеная собака укусила его, а он укусил меня.

Родители забеспокоились и повели меня к врачу. Врач задумался:

— Первый раз сталкиваюсь с таким случаем и никогда раньше о таких вещах ничего не читал. Для того чтобы быть спокойным, давайте сделаем и вашему сыну курс прививок против бешенства.

А это значит, надо было ходить на прививку каждый день. Плакала моя экскурсия в Сухуми. Пришлось отцу деньги брать обратно.

Сравнительно недавно мои внуки Оля и Коля побывали в Анапе, будучи примерно в том же возрасте, что и я в 1926 году (Оле — 14, Коле — 11 лет). Они жили в хороших пионерлагерях, объединенных в комплекс «Жемчужина России». Пионерлагеря стоят недалеко от моря, у самого пляжа. Когда они рассказывали мне о своей жизни, о своих поездках, я вспоминал свои детские годы и думал, как далеко шагнула вперед наша страна во всех отношениях за прошедшие полвека. И это несмотря на то, что нам пришлось вынести на своих плечах самую тяжелую войну из всех войн, которые приходилось вести нашей Родине.

Когда мы ехали с Володей Пеутиным в поезде из Анапы обратно в Москву, загорелые до черноты, мы твердо решили, что будем ездить только на юг и только всегда вместе. Жизнь распорядилась иначе: больше никогда на юге, у моря вместе мы не отдыхали.

Летом 1927 года (мне 13 лет, и я перешел в шестой класс) родители решили вместе с тетей Маней и ее мужем дядей Колей (Гебель) ехать на лето в Елатьму, городок, стоящий на Оке. (Ныне поселок городского типа в Тамбовской области. — *Прим. ред.*)

Ехали мы в Елатьму пароходом прямо из Москвы. Ехали хорошо, в каютах второго класса. Проезжали мимо г. Касимова, откуда мой прадедушка увез в Москву себе в жены девушку-татарку.

Елатьма — небольшой городок, на правом, крутом берегу Оки. Городок, утопающий весь в зелени.

Особенно много было вишни. Вишневые сады спускались по крутому склону к Оке. Здесь я поел столько вишни, сколько никогда в жизни больше не ел. Родители приехали только на время отпуска. В течение месяца мы с отцом ловили рыбу. Мечтали поймать стерлядь. Но это так мечтой и осталось. Стерлядь ели только покупную.

Потом мама с папой уехали в Москву. А я остался с няней и тетей Катей (сестрой отца). Началось соревнование между мной и тетей Катей, кому заказывать обед. Я стоял на своем: супов не надо, каждый день будем есть варенец, кур больше не покупать, вместо них будут жареные дикие утки. Тетя Катя возмущалась таким однообразием стола и просила сделать куриную лапшу и вареники с вишнями. Няня старалась нас примирить и вообще занимала мою сторону.

— Екатерина Епифановна, ну уступите Жене. Ему же расти, много бегаает.

Мы могли позволить себе подобные споры, потому что базары в Елатьме были и богатые, и дешевые. Хорошо помню, что живая курица стоила 40–60 копеек.

К нам домой через день приходил сельский почтальон, из одной из дальних деревень левобережья Оки. Приходил он в Елатьму за почтой, за газетами. Шел несколько километров лесом, лугами. Был он страстный охотник-любитель. И по дороге стрелял уток. Отдавал пару чирков за 25 копеек, а крякву — за 30 копеек. С самого начала сказал:

— Я наживаться не хочу, мне бы только стоймость боеприпасов оправдать.

Один раз почтальон принес глухаря. Впервые я увидел эту большую и красивую птицу. Запросил за него рубль. Няня решила, что это дорого, и, несмотря на все мои просьбы, глухаря не купила.

С местными мальчишками у меня вначале возникли сложные отношения. Мы подрались. Подрались из-за пустяков. Я бежал по улице к тете Мане. На улице играла группа ребят и среди них парень моего возраста, остальные поменьше.

Вот он и крикнул:

— Эй, москвич, иди, я тебе что покажу.

Я остановился. А потом решил подойти, не потому, что мне было интересно, что же он мне покажет, а потому, чтобы не подумали, что я его испугался. Но подходил я медленно, настороженно. И вот, когда до парня оставалось два-три шага, он сделал какое-то неизвестное мне движение губами, сопровождающееся резким звуком, и смачный плевок оказался у меня на рубашке. Этого я уж никак не ожидал. Все во мне возмутилось, и я бросился на обидчика.

Никогда я еще не дрался так удачно. Несколько раз попал ему в лицо, сбил с ног, вывернул руку и заставил просить прощения.

Гордый, я отправился дальше, а вдогонку услышал угрозу:

— Ну, ходя (я был черный, коротко стриженный, скуластый и, может быть, действительно немного похож на китайца), все равно попадешься. Так изобьем, что и до Москвы своей не доедешь.

С тех пор я стал замечать, что за мной следят, и мне стало страшно одному ходить. Я старался

быть при взрослых, но родителям о случившемся не говорил.

После того как они уехали, я стал ходить на рыбную ловлю с тетей Катей. Какая уж это была рыбная ловля! Но что поделаешь.

Ходили мы с ней ловить уклею на старицу Оки. Там ее было очень много. Считалось так, сколько есть мух, столько должно быть и уклек. Если уклея стащит муху с крючка, то в другой раз на одну и ту же муху поймаешь две уклеи. Технику ловли уклек я освоил полностью, а вот тетя Катя... Только и слышишь:

— Женя, у меня опять нет мухи. Надень, пожалуйста.

Наконец, мне это надоело, и я пошел на хитрость. Вместо мухи надел ей пойманную уклею и сказал:

— Ты лучше шук лови, тут шуки должны быть.

Не прошло и пяти минут, как раздается крик:

— Женя! У меня поплавок потонул!

— Это его сама уклея топит.

— Но он то тонул, то всплывал, а сейчас не всплывает.

Я посмотрел на удочку. Леска натянута, конец удилица согнут.

— Тащи скорей! Это шука! — заорал я.

Тетя Катя обеими руками дернула удилице вверх. Из воды буквально вылетела шука и упала на берег.

Она могла перекусить, оборвать леску, зацепись она за крючок. Но крючок был маленький для мухи: шука заглотнула уклею неглубоко. Вот она и вылетела по инерции на берег от мощного рывка тети Кати.

Сейчас тете Кате 89 лет, она живет в Москве, в пансионате для престарелых. У нее прекрасная память. И мы недавно вспоминали с ней этот интересный случай.

Шука была небольшая, по тогдашним меркам, фунта на два. Но для нас обоих она казалась завидным трофеем. Я решил показать ее тете Мане, а тетя Катя пошла домой.

Прибежал к тете Мане, показываю ей шуку. А она говорит:

— Вот я тебе покажу шуку так шуку, дядя Коля на той стороне поймал на донку, сейчас на безмене взвешивала, ровно 5 фунтов.

Я так и обомлел. Наша шука была перед той раз в три меньше.

— А где дядя Коля?

— Спит после рыбалки. Ты оставь свою шуку. Я их обеих зафарширую. Няня этого не умеет делать.

Шел я домой и раздумывал, из чего мне сделать донку, чтобы поймать такую же, а может быть, еще большую шуку.

И вдруг:

— Ну что, попался!

Вокруг меня четверо ребят. Один уже лет шестнадцати, остальные мои ровесники. А ко мне откуда-то пришло удивительное спокойствие. И потом в жизни бывало такое спокойствие в критическом положении.

— Что же, бейте.

Помолчали. Самый большой говорит:

— А он парень неплохой. Давайте его в свою компанию примем. Не бойся, тебя никто не тронет. Это я, Иван, тебе говорю, и вы это тоже все слышите, ребята. А Ваньке ты за дело выдал (и моего обидчика, и этого большого парня звали Иванами). Пошли с нами купаться.

— Вы идите, я вас сейчас догоню.

Влетел домой.

— Няня, я с ребятами подружился! Пойду с ними играть!

И бегом догонять. Догнал. Подошли к Оке.

— Плавать умеешь?

— Умею.

— Ну, тогда поплыли на ту сторону.

— Поплыли.

А у самого сердечко екнуло. Ока под Елатьмой широкая, пароходы большие ходят. Как бы не утонуть. Да что я хуже других ребят?

Немудреную свою одежку спрятали в кустах. Остались в трусиках и поплыли.

Плыли не поперек, как я думал, а наискосок по течению. Течение несло здорово. И выплыли мы на противоположный берег не меньше, чем за километр от того места, где осталась наша одежда.

Вылезли из воды посиневшие, зубы стучат от холода. А хорошо. Во-первых, переплыли такую реку, а во-вторых, воздух совсем другой, сеном пахнет. Пошли пешком вверх по течению, километра два прошли.

Иван-большой говорит:

— Отсюда поплывем. Как раз к одежде попадем.

Поплыли. И верно. Вышли на пляж недалеко от того места, где прятали свою одежду.

Три раза устраивали мы такой заплыв, а на четвертый раз меня увидел на противоположном берегу дядя Коля. Сидел, ловил рыбу. И вдруг в компании ребят появляется его племянничек.

Ох, и ругали меня тогда и дядя Коля, и тетя Маня. Я дал слово, что больше переплывать Оку не буду. И только об одном просил:

— Вы только няне ничего не говорите, — понимал, что она будет очень волноваться и больше уж никогда меня одного не отпустит.

Сейчас, когда я все это вспоминаю, мне самому кажется, что это фантастический рассказ. Неужели в 13 лет я переплывал Оку в Елатьме? Да еще не один раз. Да, переплывал.

В Елатьме произошел еще один случай, которому я в то время никакого значения не придавал. Однажды в пойме Оки появился человек с рюкзаком за плечами, с молотком на длинной ручке и с большой лупой в кармане. На боку у него была полевая сумка, а в ней тетради, в которые он что-то записывал и зарисовывал. Мы, ребята, обступили его и смотрели, как он ловко разбивает молотком большие комья глины и что-то достает из них.

— Дяденька, а что вы делаете?

— Я геолог, ишу фауну.

Слово-то какое — «фауна».

— А что это такое — фауна?

— А вот смотрите: это аммониты, это белемниты, вы их «чертовыми пальцами» называете, а это рако-

вины... (латинское название я тогда не запомнил). Это все остатки живых организмов.

— А зачем вам фауна?

— По ней можно узнать, что тут раньше было.

— А что было?

— Море.

Вот примерно какой у нас был разговор. Правду сказать, это тогда особенно меня не заинтересовало. И мысли не было, что сам я могу стать геологом. Однажды нашел на берегу большую раковину, привез ее в Москву. И теперь она у меня дома, в кабинете как один из самых дорогих сувениров.

Летом 1928 года наша семья отдыхала на Украине в селе Ново-Санжары на Ворскле, недалеко от районного центра Кобеляки. Лето в Ново-Санжарах было скучным. Ворскла — не Ока. Купаться, конечно, можно, но разве сравнишь ее с Окой. Вот он, другой берег, рукой можно достать. Рыба не клевала, да и не видно ее было. Единственно, что было интересным, это лазить по противоположному крутому берегу Ворсклы, по оврагам и собирать остатки одного из сражений, которое произошло в этом месте во время Полтавской битвы. Чаще всего попадалась шрапнель, совсем ржавая, но сохранившая свои размер и форму. Нашел я еще рукоятку сабли и какие-то куски железа, уже настолько разрушенные, что трудно было определить, что это такое. Перед отъездом в Москву все было выброшено. И только потом, когда я читал о Петре Первом, я понял, что держал в руках исторические реликвии, и пожалел, что не привез их в Москву. А тогда, мальчиком, я пытался представить себе, что же здесь произошло. И фантазировал, представлял себя участником этого сражения.

Товарищей в Ново-Санжарах у меня не было. Скучно. И родителям было скучно. Они тоже жалели, что приехали сюда на Полтавщину, так далеко от Москвы. Кто бы мог подумать, что в сентябре 1941 года именно здесь, на поле около Ново-Санжар, мне придется участвовать в одном из самых страшных для меня боев. Здесь мы дрались не на жизнь, а на смерть. Это не звонкая фраза. Такая была обстановка. Не убьешь ты, убьют тебя. После боя, ночью, когда Ново-Санжары уже были заняты немцами, я показывал своему батальону, как уйти с этих проклятых бугров. Вел своих товарищей дорогой, которую хорошо знал еще с детских лет. Мы прошли водой по Ворскле под мостом и миновали Ново-Санжары, где уже хозяйничали фашисты. Вот ведь судьба! Для меня приезд в Ново-Санжары в 1928 году оказался как бы маленькой репетицией перед драмой 1941 года.

Глава 5 В топографическом техникуме

По окончании средней школы отец спросил меня, куда я буду подавать документы для дальнейшего образования. Я ответил: «Хочу быть ближе к природе, больше всего хотел бы быть, как Арсеньев, — первопроходцем, первооткрывателем. В вуз меня сейчас не примут и по возрасту, и из-за отсутствия трудового стажа. Надо поступать в техникум или на

спецкурсы, после окончания поработать по специальности, а там видно будет». Папа одобрил мое решение и посоветовал подать заявление на топографические спецкурсы: «По окончании будешь работать, как Арсеньев».

В день моего рождения отец подарил мне охотничье одноствольное ружье — берданку, которые тогда по дешевке без всяких особых разрешений продавали в магазине. Думаю, что этим подарком он хотел поддержать мои мечты об экспедициях в неисследованных краях, придать им какую-то реальность.

Жили мы в Замоскворечье, на Малой Полянке, а рядом на Большой Якиманке был объявлен прием на спецкурс по топографии. Туда я подал заявление и с трудом был зачислен. Время было такое: принимали только по анкетным данным, а я был сын служащего.

Летом 1931 года мы, студенты-топографы, были направлены на топографическую съемку 1 : 100 000 масштаба туда, где впоследствии поднимали целину, в ковыльные степи на границе между Северным Казахстаном и Южным Уралом. К этому времени мы уже изучили теодолит, нивелир, мензулу, кипрегель, приемы работы с ними. К месту работы мы прибыли в начале июня, когда степь еще цвела. На наших глазах она преобразилась, покрылась ковылем. Ветер на огромных пространствах гонял по нему волны. Я думаю, что сейчас это можно увидеть только в степных заповедниках.

Мне не повезло. Уже в июле я заболел малярией, и в тяжелой форме, с ежедневными приступами. Каждый день в двенадцать часов начинало всего ломать, болела голова, потом трясло, как от холода, я ложился на солнышко и натягивал на себя все, что только мог. Затем бросало в жар, пот струился по лицу, и я лез под телегу в тень, в холодок. И так часа три-четыре. Около четырех я опять начинал работать, но делал это уже через силу — слабость была большая. Обратился к фельдшеру.

— Это у тебя малярия. Хину надо пить, но ее у меня нет. Да и вряд ли она сейчас поможет. Уезжать тебе надо, парень, отсюда. Перемена места — лучшее лекарство.

Но уезжать я не хотел. Считал для себя это позором. Так, с малярией и проработал полтора месяца. Смирился с ней, как с неизбежным злом. На рассвете начинал работать, с двенадцати до четырех — приступ. Затем опять работа дотемна. Из-за боязни, что меня отправят раньше времени в Москву, я ничего не говорил ребятам. Знали, конечно, начальник партии Шура Федорова, с которой нас все больше связывала дружба. В глубине души я с нетерпением ждал, когда закончится работа и мы уедем в Москву. Последний приступ малярии был в поезде, а когда приехал в Москву, приступы прекратились. Но каждый год, как только пригревало весеннее солнышко, приступы возобновлялись. Окончательно я избавился от малярии только в 1942 году в Сталинграде, когда во время «внеочередного» тяжелого приступа, вызванного пребыванием в подземелье, я, почти в бессознательном состоянии, проглотил все содержимое пакетика акрихина и запил его водкой.

Еще одно сильное впечатление от производственной практики — степной пожар. О степных пожарах нам много страшного рассказывали местные жители, причем как о деле обычном и неизбежном. Пришлось это пережить и нам.

Сначала на горизонте появился дым. Старик-подводчик забеспокоился:

— Ветер-то в нашу сторону. Уезжать надо.

Я послушался его. Собрали инструменты, вещи и поехали. Поехали так быстро, как будто бы огонь уже наступал на нас. Подводчик лошадей не жалел. Доехали мы до речушки с широкой заболоченной долиной. С трудом перебрались на другой берег.

— Ну вот, бог даст, огонь к нам не перейдет.

А огонь уже рядом, идет стеной. Впереди летят пучки горящей травы, падают на землю, и тут же сухой ковыль вспыхивает. Попадая на сырую траву, на мокрую землю, на воду, они шипели и гасли. Огонь к нам не перекинулся. Пожар повернул вдоль берега и пошел уже с меньшей силой. Ночью выли волки. Лошади жались к людям.

Когда в сентябре вернулись в Москву, то узнали, что в техникуме организуется группа комсомольцев-добровольцев для работы в Карелии в октябре–декабре, в общем, до Нового года. Работа в Карелии будет зачтена как пятый семестр.

Я пошел к директору техникума.

— Скажите, пожалуйста, а могут не комсомольцы добровольно поехать в Карелию?

— Могут. А кого вы имеете в виду?

— Нашу учебную бригаду: себя, Шуру Федорову, Сергея Добровольского, Тасю Вознесенскую и Валу Алексееву.

— Ну, что же, хорошо. Мы включим вас в приказ по техникуму.

— А что за работа, нельзя узнать?

— На месте узнаете, но уверен, что вы с нею справитесь. Иначе не посылали бы.

Спецодежду мы получили в Москве. Еще только сентябрь, а нам выдают вместе с сапогами полушубки, ватные штаны, стеганные куртки, шапки-ушанки, теплые рукавицы.

Собралось нас всего человек тридцать. Доехали до Ленинграда. Целый день бродили по городу. Смотрели и удивлялись. Ведь это была для нас первая встреча с замечательным городом. А ленинградцы посматривали с удивлением на наши полушубки.

Вечером сели в поезд Ленинград — Мурманск. Но спали мы плохо. Несколько раз нас будили. Только заснешь:

— Граждане, проверка документов.

Проверки документов систематически проходили и в дневное время.

Места назначения у нас были разные. Большинство ехало в Медвежьегорск. Меньшая часть группы — еще севернее, на железнодорожную станцию Май-губа. Я и мои друзья оказались среди тех, кто направился в Май-губу.

Приехали в Май-губу утром и стали выгружаться. Недаром нам выдали теплую спецодежду. Тут уже зима. Снег лежит, холодно. Люди снуют вдоль поезда. Двое подходят к нам:

— Студенты-топографы?

— Да.

— Забирайте свои вещички и пойдете с нами.

Дошли до нужного дома. Зашли в большую комнату, даже, можно сказать, зал, где работали топографы. На нас с любопытством посматривают. Встречавший спрашивает:

— Вы знаете, куда и зачем вы приехали?

— Нет, не знаем.

— Вы приехали на строительство Беломорско-Балтийского канала. Канал соединит Белое море с Балтийским. Вы понимаете, как это важно. Работают на строительстве и заключенные. Поэтому режим у нас особый.

— И вы заключенные?

— И мы заключенные. А вы — вольнонаемные. Ваш начальник партии тоже. Но подчиняться вы должны общему режиму. Впрочем, не пугайтесь. Режим этот для вас не страшный.

— А что мы должны будем делать?

— Работа и простая, и сложная. Трасса канала покрыта аэрофотосъемкой масштаба 1:16 000–1:17 000. На снимках надо будет с помощью мензулы отбить горизонталь, соответствующую границе зоны затопления, которая образуется в связи со строительством канала. На отметках выше этой горизонтали лес следует сохранить. На более низких отметках срочно вырубать, так как он там все равно будет затоплен. Ошибиться нельзя.

— А если ошибемся?

— Лучше не ошибаться.

О строительстве Беломорско-Балтийского канала много написано. Написано по-разному. Думаю, что дело не только в различном восприятии действительности. Сама жизнь на различных этапах и участках этого огромного строительства была различной. Одно дело, когда работает на трассе канала большая масса заключенных под надзором охранников, другое — когда небольшие группы заключенных не только выполняют несложные работы на отдаленных друг от друга участках, но даже живут вне лагеря: такова специфика их работы. В этом случае охранники сами были заключенными, осужденными по бытовым статьям. Больше того, среди начальников небольших лагерей тоже встречались заключенные. Так было, по крайней мере, у нас: комендантом небольшого лагеря, где мы жили первое время, был бывший военнослужащий, осужденный по 58-й статье. Было ясно, что заключенных хотят «перемешать», чтобы в каждом отряде оказались люди, осужденные по разным статьям. Делать какой-то анализ в этом отношении я не собираюсь, тем более что тогда над этим мы не задумывались — и работы хватало, и было нам по 17–18 лет.

Отряд состоял из начальника (топографа), вольнонаемного, стрелка — заключенного, вооруженного винтовкой, отслужившего в Красной Армии и осужденного по бытовой статье, и десяти рабочих. Стрелок, который нес охрану в моем отряде, — молодой крестьянский парень, отслужил действительную службу в Красной Армии. Вернулся домой с самыми хорошими характеристиками. По этому поводу устроил гулянку. Самогону было выпито доста-

точно. И вот кто-то шепнул ему, что, пока он служил, жена «гуляла» с соседом. Парень схватил топор и убил соседа. Когда протрезвел, то пришел в ужас. Поздно. Суд. Семь лет заключения.

Но настоящим вожаком в отряде, чье слово было законом для заключенных не только нашего отряда, но и соседних, был Виктор — профессиональный вор, который специализировался на ограблении меховых магазинов. Виктору было лет тридцать с небольшим. Несколько блестящих коронок во рту. «Платина восполняет потери», — говорил он небрежно. Небольшого роста. Очень сильный. Работал так, чтобы каждый месяц был засчитан за три. И остальных заставлял так же работать. Не скрывал, что хочет как можно скорее выйти на свободу, чтобы «пришить свою шмару», которая «продала» их шайку милиции. В разговоре с нами Виктор редко применял блатной жаргон. Дал команду:

— У техников ничего не трогать, где бы они ни работали. Они вольнонаемные. Понятно? Ничего.

Чемоданы мы не запирали. Не было смысла. И никто до них не дотронулся.

Второй уголовник, Вася — кубанский казак, старше и много крупнее Виктора. Был приговорен к расстрелу за участие в банде, убийство и изнасилование, но потом расстрел заменили десятью годами заключения (больше тогда не давали). Третий — цыган, вор на ярмарках. Шестеро политических. Четверо раскулаченных с Украины — молчаливых, обособленно державшихся людей, и два священнослужителя: молодой здоровенный дьякон и уже старенький, слабенький попик. Работали всегда вместе. Были ли они действительно врагами советской власти, трудно сказать. По этому поводу у меня возникали большие сомнения. Раскулаченные работали плохо, хуже даже, чем «священнослужители». Вот такой пестрый был состав отряда.

Девушек оставили работать в Май-губе, а меня и Сергея Добровольского отправили на полевые работы на железнодорожный разъезд южнее Май-губы, где был небольшой лагерь, там мы и остановились.

В районе наших работ протекала река Пизега, которая впадала в Линд-озеро. Местность исключительно болотистая. Температура достигала — 10°C, но болото под снегом не замерзает, и мы часто брели по колено в воде, а потом, выбравшись на сухое место, выливали воду из сапог, отжимали портянки, разводили костер, чтобы обсушиться. Без этого мокрая одежда на морозе быстро превращалась в ледяной панцирь.

Самыми любимыми местами были небольшие горки, попадавшие среди болот, сложенные коренными породами. Рабочий день наш был очень короткий. На севере в ноябре–декабре рано темнеет, поздно светает. В темноте шли к рабочему месту, на «точку». Туда, где из-за темноты была прервана работа накануне. В светлое время, а его было всего 4–5 часов, перерывов не было. Трудно было в густом лесу. Чтобы увидеть в кипрегель рейку, продолжить «мензальный ход», надо было все время валить деревья. Этим и занимались рабочие. Но и нам, техникам, тоже доставалось около инструмента на мо-

розе, часто в обледеневшей одежде, потому что обсушиться у костра не было времени. Рабочие подменяли друг друга, а нас никто не мог подменить. Будешь сушиться, работа всего отряда станет.

Один день остался в памяти. Нам с Сергеем Добровольским надо было двумя отрядами переехать на другой, левый, берег Пизеги и в течение дня отработать там два небольших участка. Нужна была лодка. Мы послали рабочего в поселок, где жили карелы, попросить у них лодку. Он вернулся и сообщил, что в поселке здорово гуляют, но он договорился с одним из карелов, и тот разрешил взять лодку. Рабочий расколол припай льда на Линд-озере, спустил лодку на воду, доехал до устья Пизеги, поднялся до указанного ему места, где должна быть переправа, и привязал лодку на нашем берегу.

— Но, — закончил свой рассказ рабочий, — вода в Пизеге очень высокая, вышла из берегов, затопила деревья. Между ними не проедешь. Пришлось прямо в воду из лодки вылезать. А от лодки до лагеря не меньше двух километров. Я их еле пробежал.

Перед нами открывалась перспектива не очень приятная. Но ничего не поделаешь. Участки на левом берегу Пизеги должны были быть отработаны. На следующий день двумя отрядами мы пошли к лодке. К сожалению, все было так, как рассказал рабочий. Вода вышла из берегов, затопила лес. На воде образовалась тонкая корочка льда, которая не могла держать человека. Надо было прямо по воде, ломая лед, идти к лодке. Затем, переехав реку, снова прыгать в воду, чтобы выбраться на сушу.

Сделали мы несколько рейсов, перевезли на лодке всех людей, инструменты и рейки. Было еще темно, и мы могли обсушиться у костров. Мы с Сергеем договорились сделать все возможное, чтобы в течение дня закончить работу. Рабочие нас поддержали:

— Не сомневайтесь, граждане техники, будем работать изо всех сил, чтобы только завтра опять в этой ледяной воде не купаться.

Последний отчет я сделал в сумерках. Еле разглядел рейку. Собрали инструмент и пошли к переправе. Подходим к месту, где оставили лодку. А там уже Сергей со своим отрядом. Сообщают нам печальную новость: лодку угнали. Пришлось несколько километров идти к берегу Линд-озера. Темно, болотистый берег. Болото под снегом не замерзло. Идем по морозу мокрые. На берегу озера нашли «горку». Развели огромный костер. Горели сухостоины, поваленные друг на друга. Ближе подойти к огню было нельзя. Стояли кольцом вокруг костра в чем мать родила, несмотря на мороз. Все было мокрое, от сапог до рубашек и ватных курток. Единственно, что нас украшало, были шапки-ушанки. Стоишь грудью к костру — спина мерзнет. Повернешься спиной — грудь мерзнет. Так и крутились все время, держа в руках сначала нижние рубахи, потом кальсоны, а затем другие вещи. К двенадцати ночи мы были сухие. Жить снова стало хорошо. Есть только здорово хотелось.

В это время на озере появились два огонька. Ближе к нам, ближе. И вот уже различимы два больших баркаса. Как мы предполагали, нас в лагере хватились. Начальник лагеря знал, что мы должны были

взять лодку у карелов. Пошли к ним. Выяснилось, что им лодка самим понадобилась.

— Да ведь по ту сторону Пизеги люди остались. Четырнадцать человек.

— Люди не пропадут. На Линд-озеро выйдут.

Спустили два баркаса на воду и поехали в нашу сторону. Баркасы к берегу подойти не смогли. Мелко и припай льда мешает. Пришлось нам забрать инструменты, вещи и вброд — к баркасам. Приехали в лагерь и опять сушиться.

У начальника лагеря узнали, что по окончании работ нам надо переезжать на станцию Сегежа.

— Ваши девчата сегодня ночью, — сказал он, — туда поедут со своими отрядами. Так что вам веселее будет. Вместе будете работать. Когда у вас работа кончается?

— Уже кончилась, — ответили мы весело. — Поэтому мы имеем полное право подсесть в поезд к девушкам, а отряды наши пусть завтра приедут. Вы их отправите.

— Ну что же, хорошо, — согласился начальник.

Но уехать поездом не удалось. Обсушившись, мы только на минутку прилегли отдохнуть и... проспали поезд. Решили идти на станцию Сегежа пешком по шпалам. Не помню точно, сколько было километров до нее. Думаю, что около двадцати. Расстояние нас не смущало. Но идти было небезопасно. Вдоль железной дороги, единственного здесь пути, попадались люди разные, бывали и беглые. Ради документов и одежды убивали.

— Запретить не могу, а по-человечески не советую, — сказал нам начальник лагеря.

Но мы его не послушались и пошли прямо по шпалам, не таясь, громко между собой переговариваясь. К утру были на станции Сегежа. Первые, кого мы встретили, были стрелки из отрядов наших девушек. На вопрос, где они, стрелки смущенно указали на заброшенный лагерь.

— Почему там остановились?

— Да уж так получилось.

— А вы куда идете?

— В действующий лагерь. У нас малость недоразумение вышло.

Мы с Сергеем вмешались:

— Все отряды сейчас же перейдут в действующий лагерь. А недоразумение на месте выясним.

Вошли в пустующий барак. На нарах, в уголке сидят Шура, Тася и Валя и плачут.

— Что случилось?

— Нас обокрали. Чемоданы стащили. Когда мы проснулись, вещей нет, а кругом пьяные.

— Да как вы в этом заброшенном лагере очутились?

— Нам сказали, что здесь спокойней.

— Глупые вы, глупые. Хорошо еще, что только обокрали. Собирайтесь, и сейчас же пойдем в лагерь.

По дороге мы расспрашивали стрелков.

— Кто взял вещи?

— Растратчики.

— Какие растратчики?

— Старший рабочий из отряда Федоровой да его дружок из отряда Алексеевой.

— Почему так думаете?

— Они водку принесли и всех угощали.

— И вы пили?

— Немного. Да ведь мы не знаем, откуда взялась водка. Принесли, говорят: всех угощаем. Ну и мы выпили.

В разговор вмешались девушки.

— Врут они все, напились вместе со всеми. А потом испугались, что им отвечать, и давай из винтовок прямо в бараке вверх стрелять. Мы от выстрелов и проснулись. А вещей уже нет. Знали они, что они вещи стащили и их пропивают. Все они заодно.

В лагере «растратчиков» посадили в карцер. Это была маленькая рубленая избушка с небольшим оконцем. Сидевшие в карцере выходили под охраной и кололи дрова для лагерной кухни.

Из лагеря все пять отрядов переселились в лес, в заброшенные бараки лесорубов, которые находились километров в десяти от лагеря.

Новая территория, на которой нам пришлось работать, оказалась менее заболочена. Но деревья здесь были очень толстые. Рубить их было нелегко. Поэтому и работа продвигалась медленно.

Жило нас в бараке более пятидесяти человек. Привели его в порядок. Нары в два яруса. Мы заняли место наверху, недалеко от «буржуйки», которая топилась круглые сутки. Стены барака были со щелями, сильно дуло.

Жили без особых происшествий. С девушками было веселее, а им с нами спокойнее. Только очень долго тянулись вечера, которые начинались уже с пяти часов, когда мы возвращались с работы. Откуда-то появилась гитара. На ней играл Виктор. Он же и пел. Пел, конечно, исключительно блатные песни. Наслушались мы их вдосталь.

К Новому году вернулись в Москву. И, странное дело, несмотря на все трудности и переживания, вспоминали Карелию с удовольствием и, конечно, немного гордились перед своими товарищами, которые оставались в Москве. Работу нашу оценили высоко. И она действительно была очень нужна.

Шестой семестр прошел быстро. Приближалось время распределения. Заявок на оканчивающих было много, начиная от Тулы и кончая Хабаровском. Мы с Шурой Федоровой решили ехать в Хабаровск, а все наши друзья стали устраиваться по московским местам. После производственных практик мы с Шурой продолжали дружить. И это светлое чувство становилось все более крепким. Жили рядом на одной улице (на Малой Полянке) и часто заходили друг к другу домой. Наши родители к этому привыкли. Отец Шуры, Михаил Яковлевич, был рабочим на обувной фабрике «Парижская коммуна», часто после ночной смены он отсыпался у себя в своей комнате, а мы с Шурой в соседней тихонько разговаривали о своих делах, делились планами, мечтали о будущем. В Хабаровск записались преимущественно более взрослые люди, с которыми мы были не очень близки, но это нас не смущало. Для себя мы твердо решили: Хабаровск.